

Дом актёра. — 1996. — Дек. — С. 13

ЧУДАК ИЗ НИЧЕГО

Тревожно странный Бенедикт — не похожий ни на одного из виденных на сценах раньше; ни на тот образ, что возникает, когда читаешь искрящуюся комедию с провокационным названием «Много шума из ничего». На сцене Театра Армии огромный, с крупными, грубой лепки чертами лица и мощной фигурой — отнюдь не пылкий юноша и рафинированный остроумец при дворе Арагонского принца, скорее — закаленный воин.



литая фигура, под которой зримо прогибаются крепкие подмостки, — словно вспыхивают дополнительные прожектора, через портал в зал льются азарт и энергия, которую сведущие люди связывают с самой стихией Возрождения.

Роскошный экземпляр человеческой породы: каждому зрителю честь иметь столь надежного друга, зрительницам невозможно устоять перед щедрым сочетанием силы и наивности. В пиршественном мужском теле — детская душа, после бала обиженная до наветывающихся на глаза слез: двухметровый колосс искренне верит, что остался неузнанным, нацепив полумаску на лукавую физиономию с ухоженной эспаньолкой.

Для такого Бенедикта строится режиссером рискованная сцена подслушивания, когда принц со товарищи рассуждают о якобы влюбленной в него Беатриче: позы классических статуй, в которых застывает невольный свидетель (включая саму застенчивую Венеру), у другого покажутся нарочитыми, едва ли не пошлыми. Но у Назарова полная убежденность в собственной изобретательности — и не только удовольствие от ребяческой проказы, но (главное!) абсолютная ошеломленность услышанным. Пропустить столь очевидную прочим склонность, не заметить внятного другим пристрастия — настолько не по-рыцарски, так недостойно, некорректно, что Бенедикт физически страдает. Смущение вкупе с удовлетворенным тщеславием рождает столь причудливо-взрывчатую смесь, что весь огромный зал сползает с кресел от смеха.

Этот завидного жизнелюбия чудака все больше вырывается в центр если не повествования, то его духа (духа — шекспи-

ровского). Ему единственному доверяется самое трудное в сегодняшнем циничном театре — монологи, обращенные в зал. Назаров и в этом поединке остается верен себе — благородство и открытость его Бенедикта покорительны и победительны.

Одной зажигательной непосредственности хватает, чтобы запасть в зрительское сердце и заслужить хвалу, аплодисменты и цветы в финале. Но Назарову того мало — комик не желает лишь потешать. Самым драматическим моментом спектакль обязан тоже ему.

Сестра и лучшая подруга Беатриче смертельно оскорблена и унижена — лучшим, единственным другом Бенедикта. Беатриче (уже не безразличная герою) требует отмщения — и в карнавально-громкой и не слишком склонной к философским глубинам атмосфере комедии (плохой конец заранее отброшен) возникает шемшая нота.

Бенедикт так долго молчит, потупившись, не решаясь на роль судьи и палача. Застывает в неподвижности, потом тихо, столь непривычным у шумливого забияки, словно шелестящим голосом медленно переспрашивает, правильно ли понял. Солдат — смерть он видел часто и знает, что даже на поле боя убийство неприглядная штука. А теперь придется обнажить оружие против соратника, с которым делил невзгоды походов и опасности битв.

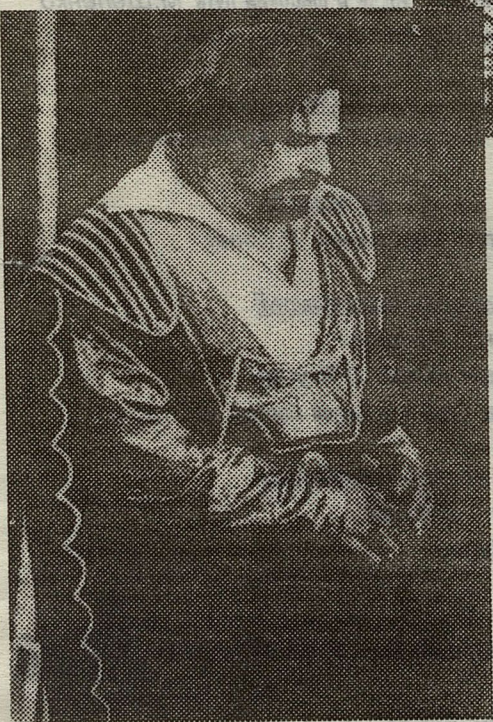
Он даже не очень слушает Беатриче — её намерение неизменно, условие окончательно. Выхода нет: он пошлет тому вызов, будет драться с закадычным своим приятелем, с учеником, успехами которого в ратном деле наверняка гордился. Убьет его — воспитанника и товарища — и не простит себе его гибель. Никогда ни словом не обмолвится Беатриче о чувстве вины — негоже перекладывать груз решения на хрупкие женские плечи. Но уже не сможет видеть в ней идеальную свою спутницу, разом утратив и друга, и возлюбленную. Дело предстает бессмысленное но неизбежное.

В эти мгновения проносится дыхание трагедии, к которой актер переходит естественно, вольно и полно. Общеввропейский — англо-итало-испанский — колорит зрелища просветляется чисто русской краской строгой жертвенности.

Борис Морозов, постановкой Шекспира дебютировавший в качестве главного режиссёра театра, рассчитывал на такого Бенедикта, соблазнив Назарова перейти из Малого театра. Для актёра уход на другую сцену — не просто изменение адреса: понятие театра-дома если где и сохранилось, то в природе русского артиста. Закрыта страница жизни, начата новая. В случае Дмитрия Назарова она чудится яркой и праздничной, как и его герой.

Ведь имя Бенедикт означает — Благословенный.

А.У.



Из шекспировских героев Дмитрию Назарову, казалось, ближе плотоядный весельчак Фальстаф с его неиссякаемой жадной земных наслаждений, нежели утонченный женоненавистник Бенедикт. Непохожесть заинтриговывает: как сумеет актер пройти хитроумные и забавные перипетии, на которые осужден драматургом его персонаж.

Но это — интерес для знатоков. Обыкновенная публика сразустораживает, приметив ладного гиганта: среди шумной толпы очень мужского по замыслу и воплощению спектакля армейской сцены он невольно притягивает взгляд. А после первой — снисходительно-непринужденной — перепалки героя с Беатриче зал влюбляется в него решительно и бесповоротно. С нетерпением предвкушая его новые появления, в ожиданиях не обманывается: как только на сцене возникает